

Доксография в ее связи с другими жанрами античной историографии философии

Л.Я. Жмудь

1. Основные жанры античной историографии философии

Философские сочинения большинства досократиков, хотя и не были особенно популярны в послеклассический период, сохранялись и переписывались в течение всей античности. Один из последних греческих философов, комментатор Аристотеля Симпликий, приводит обширные цитаты из Парменида, Анаксагора, Эмпедокла и даже такого малозначительного досократика как Диоген из Аполлонии. Эпоху средневековья тексты досократиков не пережили, так что наше знание о них основано на следующих двух группах источников. 1) Первичные источники, т.е. дословные цитаты из сочинений досократиков, которые в случае известных личностей (Парменид, Гераклит, Эмпедокл) весьма представительны, а в других случаях ограничены одним-двумя фрагментами или парафразами. 2) Вторичные источники, к которым относится вся совокупность косвенных сведений о данном философе, включая биографические. Здесь мы рассмотрим ту часть косвенной традиции, которая представлена *античной историографией философии* (обширную библиографию по этой теме см.: Mejer 2000 [*64: 91-194]), дадим общий обзор ее жанров и подробно остановимся на тех, которые касаются досократиков, в первую очередь, на доксографии (от δόξα, «мнения», называемые также ἀρέσκοντα, лат. placita).

В сложившейся после Аристотеля литературе по историографии философии обычно выделяют следующие основные жанры: 1) биографию, 2) доксографию, 3) преемства философов (διαδοχαί) и 4) литературу о философских толках (школах), между которыми, однако, не везде удается провести четкие границы (Ueberweg-Praechter 1926 [*17: 13f.], Mejer 1978 [*33: 60ff.], 2000 [*64: 28ff.], Mansfeld 1999 [*61: 16f.]; иначе: Runia 1999 [*56: 33 ff.]). В литературе до Аристотеля известен еще один тип сочинения, имеющий отношение к философской историографии: *монография*, посвященная отдельному философу или философской школе. Первой такой работой была, вероятно, книга «Пифагор» Демокрита (68 A 33 DK), так что можно сказать, что историография досократиков восходит в своих истоках к их собственной среде. Пифагорейцы и далее оставались излюбленным предметом монографии, им посвящены Πυθαγόρεια Ксенократа (D. L. 4,13), «О пифагорейцах» Гераклида Понтийского (fr. 22, 40-41) и несколько трудов Аристотеля. В IV в. до н.э. монографии о досократиках были весьма распространены, но поскольку от них сохранились лишь скудные фрагменты, мы далеко не всегда в состоянии сказать, в какой мере они носили исторический, а в какой – критический или апологетический характер. Судя по заглавиям, довольно рано сложилось определенное разделение между трактатом, направленным *против* учений некоего философа

фа, например, «Против Зенона» или «Против Демокрита» Гераклида (fr. 22), и книгой о некоем философе, например «Об учении Парменида» Ксенократа (D. L. 4,13) или «Толкование Гераклита» того же Гераклида (fr. 39). Фрагменты двух монографий Аристотеля подтверждают такое разделение: «О пифагорейцах» (fr. 191-196 Rose) содержит собрание материалов, причем далеко не всегда философского характера (это касается и книги «О пифагорейцах» Гераклида), а «Против пифагорейцев» (fr. 198-205 Rose) – критический разбор философских и научных взглядов этой школы.

За исключением близкого к Ликею Гераклида платоники мало интересовались досократиками, как правило, их монографии были посвящены Платону. Напротив, Аристотель, ощущавший себя наследником всей предшествующей философской мысли, создал ряд монографий об отдельных досократиках, еще больше таких трудов у Феофраста. При этом важно отметить, что их тематика нигде не пересекается: Аристотель писал об элеатах («Против Ксенофана», «Против Зенона», «Против Мелисса») и пифагорейцах («Против Алкмеона», «Против философии Архита», D. L. 5, 25), а Феофраст об ионийцах (Анаксимандре, Анаксимене, Анаксагоре, Архелаете, Демокрите, Диогене, Метродоре) и Эмпедокле (137 № 27-40 FHSO). В то время как монографии Аристотеля можно рассматривать как подготовительный этап к его теоретическим трудам, опиравшимся, как правило, на критический разбор мнений предшественников, Феофраст ставил перед собой историографическую задачу, стремясь не оставить без рассмотрения ни одного из сколько-нибудь значимых «физиков». Почти все его монографии относятся к описательному типу (о ком-то), в заглавиях некоторых из них стоит *συναγωγή*, свод мнений (137 № 39-40 FHSO), а наличие двух работ об Анаксагоре, «Против Анаксагора» и «Об Анаксагоре» (137 № 29-30 FHSO) говорит о том, что Феофраст также придерживался упомянутого выше разделения; ср. его «Против физиков» (fr. 245 FHSO). Насколько строгим оно было, мы не знаем; по всей видимости, реферат и критика присутствовали в монографиях обоих типов, но в разной пропорции. Материал монографий Феофраста, от которых практически ничего не сохранилось (ср. fr. 235 FHSO), был позже использован им при подготовке обширного доксографического компендия «Мнения физиков» (*Φυσικῶν δόξαι*), известного также под заглавием «О физиках» (см. ниже, 14). Таким образом, монографию можно считать историческим предшественником и одним из важных источников доксографии.

Несколько позже монографии и практически одновременно с доксографией возникла *биография*, основателями которой были перипатетики Аристоксен (в молодости ученик пифагорейцев) и Дикеарх. (О возможных предшественниках перипатетической биографии см. FGrHist 1008-1111). Биографические труды Аристоксена демонстрируют скорее его личные, чем философские пристрастия, и это характерно вообще для биографии как жанра. Биографии Пифагора и его последователей (fr. 11-25, 26-32, 47-50) рисуют идеализированный образ философов, ученых и политиков, живших в согласии со своими этическими

принципами. Биографии Сократа и Платона, напротив, носят резко критический характер и полны скандальных подробностей, включая обвинения Сократа в сожителстве с Архелаем, а Платона – в прихлебательстве и плагиате (fr. 52, 62, 67). Гораздо менее пристрастный Дикеарх также уделял в своих «Биографиях» (Περὶ βίων, fr. 25-46) основное внимание Пифагору, Сократу и Платону, которые представляли собою развитие философского образа жизни. Биографические труды (как правило, озаглавленные Περὶ βίων) засвидетельствованы у Гераклида (fr. 22), Теофраста (D. L. 5,42 = fr. 436 Nr. 16 FHSG), Фания из Эреса (fr. 30-31), Клеарха (fr. 37-62) и Стратона (fr. 136). Биография и дальше процветает в Ликее, так что в III в. до н.э. само название «перипатетик» начинает обозначать «биографа».

Биография как жанр не подразумевала сколько-нибудь подробное изложение философских учений и тем более их анализ. В центре повествования стояла личность философа и его образ жизни, к стандартным темам относились происхождение мыслителя, его учителя и ученики, путешествия, общественная и политическая деятельность, характер и привычки, изречения и, наконец, смерть. Таким образом, биография сформировалась как жанр, комплементарный к доксографии (в которой биографические данные были минимальны), рассчитанный на более широкую аудиторию и потому более свободный. Недостаток биографических данных часто побуждал биографов переносить отдельные тезисы философов на их характер и образ жизни, последний, в свою очередь, мог связываться тем или иным (нередко искусственным) образом с их учением, особенно этическим (см. Aristox. fr. 50). Непохоже, однако, чтобы эта связь носила сколько-нибудь систематический, конституирующий для жанра характер. В любом случае, для подавляющего большинства досократиков, у которых этическое учение отсутствовало, связь эта была не очевидной.

В философской биографии эпохи эллинизма жизнеописания философов объединялись в сборники, устанавливалась философская генеалогия отдельных мыслителей и целых школ. Эти тенденции привели к появлению нового жанра, *преемств философов*, зачинателем которого считается перипатетик начала II в. до н.э. Сотсион из Александрии (Wehrli 1978 [*3]). «Преимства философов» Сотиона (Διαδοχαὶ τῶν φιλοσόφων) соединили в одну генеалогическую схему все известные на то время философские направления и наложили отпечаток на всю последующую историографическую традицию. Композиция «преемств» соединяет систематический и хронологический принципы: все философы были распределены по школам, каждой из которых посвящена отдельная книга; первой в книге шла биография основателя школы, за ним следовали его ученики и последователи; отдельно шли те, кого не удалось присоединить к какому-либо преемству (οἱ σποράδιον), например Гераклит. В свою очередь, все школы, начиная с милетской и кончая эллинистическими, были разделены Сотционом на две ветви, ионийскую и италийскую, внутри которых они соединялись друг с другом линиями преемственности и рассматривались в хронологическом порядке. К ионийской ветви

относились милетяне, Анаксагор и Архелай, за его учеником Сократом следовали все связанные с ним школы: мегарики, платоники, перипатетики и киники; к последним были присоединены стоики. Итальянская ветвь состояла из пифагорейцев, элеатов, связанных с последними атомистов и присоединенных к ним пирронистов и эпикурейцев. Зачатки такого подхода можно обнаружить еще у Теофраста, который связал всех «физиков» двумя линиями преемства (см. ниже, 15; известно, что Сотсион использовал компендий Теофраста); еще ближе к преемствам был биографический труд Фания из Эреса «О сократиках» (fr. 30-31). Из фрагментов преемств (Giannattasio Andria 1989 [*6]) следует, что собственно философские доктрины занимали в них крайне незначительное место, подавляющее большинство материала относится к биографии, как ее понимали перипатетики и их эллинистические преемники (Mejer 1978 [*33: 64f.]).

Почти одновременно с преемствами возникает *литература о философских «толках»*, восходящая к сочинению Περί αἰρέσεων Гиппобота, старшего современника Сотциона (Gigante 1984 [*5]). В отличие от биографии, этот жанр был посвящен систематическому изложению доктринальных систем отдельных философских школ. В частности, сам Гиппобот рассматривал в Περί αἰρέσεων этические доктрины постсократовских школ; некоторые из них, например киники, были исключены из обзора, как не имеющие доктринальной системы и потому не подходящие под понятие αἴρεσις. В дальнейшем сочинения о «толках» стали рассматривать и физические (Арий Дидим: Diels 1879 [*2: 447ff.]), и медицинские учения (FGrHist 1058 F 1; von Staden 1999 [*58]), тем не менее, относить этот жанр к доксографии, как это иногда делают (Wyss 1959 [*27: 199], Mejer 2000 [*64: 31f.]), не следует. Несмотря на его сходство с доксографией, содержательные и формальные различия между ними очевидны. 1) Литература о философских «толках» не была прямым наследником компендия Теофраста, включавшего в себя только физические учения досократиков и Платона, поэтому досократики в ней не рассматривались, а лишь иногда упоминались в предисловиях. Напротив, доксография, восходящая к Теофрасту, этикой не занималась. 2) Мнения различных философов, излагаемые в доксографии, отвечали на конкретные вопросы, сформулированные в «вопроснике» Теофраста и организованные по разработанной им схеме. Сочинения же о «толках» были организованы по школам, затем по предметам (логика, физика, этика), а внутри этих предметов – по темам.

2. Доксография до Теофраста

Самым важным для изучения досократиков разделом античной историографии философии является *доксография*, начало которой как жанру положили «Мнения физиков» (Φυσικῶν δόξαι) Теофраста. Реконструкция этого жанра, анализ его особенностей и эволюции, а также издание текстов его наиболее важных представителей были осуществлены в фундаментальных «Doxographi Graeci» Г. Дильса (1879 [*2]). Блестящая реконструкция

Дильсом доксографической традиции заложила прочные основы для его «Фрагментов досократиков» (1903), на которых, в свою очередь, базировались все исследования в этой области в прошлом веке. Дильс ввел и сам термин «доксографы», под которыми он понимал авторов тех сочинений, *жанровые характеристики и основное содержание которых могут быть прямо или косвенно возведены к «Мнениям физиков»*. Впоследствии термин «доксография» получил расширенное (а иногда и пейоративное значение (см. Runia 1999 [*56: 34]) и стал обозначать всякое сжатое систематическое изложение философских учений прошлого. Такое значение имеет, разумеется, право на существование, однако при этом нужно учитывать, что доксография в собственном смысле этого слова 1) была не единственным жанром античной историографии, систематически излагавшим философские доктрины, 2) касалась лишь физических учений и 3) отличалась рядом других характерных признаков, которые позволяют идентифицировать доксографические пассажи даже в тех случаях, когда они находятся в сочинениях, имеющих другую жанровую природу.

В отличие от изучения досократиков, к которому обратились лучшие научные силы, исследование доксографии продолжалось после Дильса лишь эпизодически (Wendland 1897 [*13], Pasquali 1910 [*15]) и касалось в основном Феофраста (Stratton 1917 [*16], McDiarmid 1953 [*23], von Kienle 1961 [*28], Gigon 1969 [*32]). До 80-х гг. XX в. основные выводы Дильса принимались подавляющим большинством специалистов; к очень немногим попыткам критики относится книга Штайнмеца (Steinmetz 1964 [*30]). Резкое оживление доксографических штудий относится к 80-90 гг. XX в. и протекает с тех пор по следующим основным направлениям: 1) исследование доксографической традиции до Феофраста, в первую очередь – у Аристотеля, Платона и софистов (Berti 1986 [*35], Patzer 1986 [*37], Mansfeld 1986 [*36]); 2) анализ доксографии Феофраста (Baltussen 1993/2000 [*62], Mansfeld 1996 [*46], Sharples 1998 [*54]) и его последователей (Daiber 1980 [*4]); 3) критика теории Дильса в целом (Lebedev 1984 [*34], 1988 [*38]) и ее отдельных положений (Kingsley 1994 [*45], Bremmer 1998 [*49], Baltussen 2000 [*63]); особо следует отметить многочисленные труды Я. Мансфельда и Д. Руни, в которых предложен ряд существенных альтернатив реконструкции Дильса, а также ее дополнений и уточнений (см. напр. Mansfeld 1990 [*41], 1992 [*42], 1992 [*43], Runia 1992 [*44], 1999 [*56], Mansfeld / Runia 1997 [*47]; критику ряда их тезисов см. Zhmud 2001 [*65]; ср. Mansfeld 2002 [*66]). Наше изложение будет двигаться от истоков доксографии к Аристотелю и Феофрасту и следовать далее реконструкции Дильса, отмечая по мере необходимости спорные пункты, обсуждаемые в современной критике.

Один из самых ранних доксографических обзоров содержится у Геродота, который предваряет свое объяснение причин разливов Нила (II, 24-25) сводкой трех более ранних мнений (II, 20-23): Фалеса, Евтимена из Массалии и Анаксагора. Имена их не названы, но легко восстанавливаемы из последующей доксографии, в частности, из «De inundatione Nili» Аристотеля и Аэция (IV, 1). Обзор Геродота содержит ряд черт, характерных впоследствии

для перипатетической доксографии: формулируется физическая проблема, в хронологическом порядке приводятся мнения о ней предшественников (двое из которых были «физиками»), затем следует их критика с различных точек зрения. Поскольку Геродот «физиком» не был, он, вероятно, опирался на более ранний обзор мнений о причинах разливах Нила. Эта ставшая к его времени традиционной проблема как нельзя лучше служила отправной точкой для традиции, которая фиксировала мнения соперничавших друг с другом мыслителей. Подобно другим знаменитым научным проблемам (удвоение куба, трисекция угла и др.), она продолжала притягивать внимание все новых поколений и после того как было найдено ее верное решение, наглядно демонстрируя агональный характер греческой культуры. Показательно замечание Аристотеля, сделанное им как раз в доксографическом контексте (*De Caelo* 294 b 7-9): «Мы все имеем обыкновение вести исследование, сообразуясь не с самим предметом, а с возражениями тех, кто утверждает противоположное» (агональные истоки доксографии Аристотеля отмечает Cherniss 1935[*20: 349]). Именной такой была мотивация Горгия, который, доказывая в полемике со всеми остальными мудрецами, что ничего не существует, предпослал своим аргументам доксографический обзор (*Ps.-Arist. MXG* 5, 979 a 14-18, ср. 980 a 1-8), суммирующий противоположные тезисы 1) монистов и плюралистов, 2) тех, кто утверждал или 3) отрицал возникновение мира и движение (*Mansfeld* 1986 [*36: 59ff.]). В «Похвале Елены» (13) Горгий прямо указывает на агонистический аспект таких дебатов, упоминая «метеорологов», которые уничтожают одно мнение, заменяя его другим, и состязания в речах философов (*φιλοσόφων λόγων ἀμίλλας*), которые заставляют слушателей быстро менять мнения. Ксенофонт, не называя имен, приводит те же три пары противоположных мнений о сущем, что и Горгий, еще больше подчеркивая противоречия между «мудрецами, которые не согласны между собой, а смотрят друг на друга как сумасшедшие» (*Mem.* I, 1, 13-14). Такую же картину философских споров рисует гиппократовский трактат конца V в., называя при этом главные тезисы участников: «...один из них говорит, что единое и целое есть воздух, другой – что огонь, третий – вода, четвертый – земля» (*De nat. hom.* 1). У Исократа, ученика Горгия, мы впервые встречаем список имен досократиков с их началами: некто утверждал, что число начал бесконечно, Эмпедокл, что их четыре, Ион, что три, Алкмеон, что два, Парменид и Мелисс, что начало одно, и Горгий, что вообще ничего нет (*Antid.* 268). Хотя эта классификация дана в поздней работе Исократа (ср. *Hel.* 3), она, скорее всего, восходит к доплатоновской эпохе (*Mansfeld* 1986 [*36: 61] предлагает Горгия, *Patzer* 1986 [*37: 90] – Гиппия).

Там, где Горгий, Ксенофонт и Исократ подчеркивали разногласия, Гиппий в своем «Собрании» (*Συναγωγή*) предпринял попытку найти родство между идеями древних поэтов, с одной стороны, и прозаиков, в основном философов, с другой (86 В 4 DK). Этот первый труд по истории идей оставил заметный след в доксографических пассажах Платона и Аристотеля, особенно там, где идеи досократиков сопоставлены с цитатами из Орфея, Гомера,

Гесиода и др. (Patzer 1986 [*37], Mansfeld 1986 [*36]). Аристотель, однако, не воспринял основной тезис Гиппия о родстве натурфилософии и теогонической поэзии, выделив древних «теологов» в отдельную категорию (Zhmud 2002/2006 [*72: 131f.]).

Итак, к концу эпохи досократиков, ставшей свидетелем невиданных по интенсивности философских споров, их современники (а отчасти, вероятно, и сами досократики) выработали основные методы классификации философских мнений, которые позже были использованы Аристотелем и его учениками. К ним относятся: 1) хронологический метод организации мнений и 2) систематический, включавший в себя разделение мыслителей по числу или характеру их начал на противоположные (монисты и плюралисты, приверженцы и противники движения и т.п.) и «родственные» группы (напр., Фалес и Гиппон, выдвигавшие одинаковое начало). Наконец, была выделена основная группа носителей этих мнений – философы-«метеорологи», будущие «физики» Аристотеля, – и предприняты попытки сравнить их идеи с представлениями древней теогонической поэзии.

Платон активно пользовался сложившимися методами историографической классификации, сделав их в ряде случаев более эксплицитными (Mansfeld 1986 [*36]), но не внес в них ничего принципиально нового. Поскольку его интересовали не досократики как таковые, а лишь те из них, в ком он видел своих предшественников, в первую очередь Парменид и Гераклит, доксграфические пассажи его диалогов касаются одного и того же узкого круга лиц и носят в целом спорадический характер. Составной частью философского и научного метода доксграфия стала лишь у Аристотеля, который, в отличие от Сократа и Платона, рассматривал себя в качестве законного преемника *всей* досократовской *περὶ φύσεως ἰστορία*. Мнения «физиков» были для него отправной точкой в решении натурфилософских проблем, независимо от того, соглашался он с ними или нет. Это, в свою очередь, было связано с уникальной для античного философа готовностью Аристотеля учитывать *ἔνδοξα* – мнения философов, равно как и обычных людей, и использовать их в развитии своих собственных взглядов (Gigon 1954 [*25]; Owen 1961 [*29]). Свою задачу он видел в том, чтобы «уточнить, развить и обосновать то, что уже давно, пусть и в неопределенной форме, было частью человеческого знания» (Gigon 1954 [*25: 134]). Помимо эпистемологической связи, между Аристотелем и досократиками существовала и осознанная *историческая* связь, опиравшаяся на впервые разработанные им представления об интеллектуальном развитии во времени и о своем месте в истории идей (Jaeger 1923 [*18: 3]). По аналогии с телеологически понимаемым развитием природы, общество, культура и ее отдельные отрасли (науки, искусства, философия и т.п.) развиваются от примитивного состояния к совершенному, причем для многих вещей совершенство мыслилось уже (или почти) достигнутым (EN 1098 a 23ff.; Poet. 1449 a 15; Pol. 1252 a 26ff., 1264 a 3; Met. 993 a 15ff.). В частности, развитие философии, начальные идеи которой были незрелы, подобно речам ребенка, должно было вскоре завершиться системой самого Аристотеля (Met. 993 a 15-17; fr. 53 Rose). В такой

перспективе мнения досократиков виделись как подготовительный этап к теориям Аристотеля, поэтому и он сам, и Феофраст интерпретировали их в перипатетических терминах, нередко заставляя мыслителей VI-V вв. отвечать на вопросы, которых они перед собой не ставили (Cherniss 1935 [*20]; McDiarmid 1953 [*23]). В рамках этой исторической конструкции, которую можно назвать телеологическим прогрессизмом, были выработаны основные критерии того, когда возникает философия, чем она отличается от предшествующих ей форм мысли и других видов интеллектуальной деятельности, кто, соответственно, может быть квалифицирован как философ и в каком направлении движется эволюция философии. Аристотель отождествил начала философии с милетской школой – Фалесом, Анаксимандром и Анаксименом (которых Платон практически игнорировал), усмотрев в рассуждениях «физиков» о природе принципиальное родство со своим способом философствования и принципиальные же отличия от мифологических спекуляций греческих и восточных теогоний, которые в лучшем случае могли считаться предысторией философии. Хотя в эпоху эллинизма аллегорические толкования превращают поэмы Гомера в источник всяческой мудрости, в том числе и философии (см. ниже, 17), конструкция Аристотеля была доминирующей в античной историографии философии, а в модифицированном виде остается таковой до сих пор. Учитывая огромное влияние Аристотеля на его учеников, создавших первые признанные образцы биографии (Аристоксен, Дикеарх), истории культуры (Дикеарх), философии (Феофраст), теологии (Евдем), точных наук (Евдем) и медицины (Менон), его по праву можно считать создателем не только истории философии как системы (в отличие от отдельных доксографических приемов), но и интеллектуальной истории в целом (von Fritz 1956 [*26], Zhmud 2002/2006 [*72: 133ff.]).

При этом, разумеется, необходимо учитывать, что, будучи оригинальным мыслителем, Аристотель не мог смотреть на досократиков непредубежденным глазом историка философии, что часть его историко-философские реконструкции неадекватна и анахронична, наконец, что доступная ему методика не может сравниться со скрупулезным историко-филологическим анализом, принятым в современном изучении досократиков. (Дискуссию об Аристотеле как историке философии см.: Cherniss 1935 [*20], Jaeger 1937 [*21], Guthrie 1954 [*24]). Доксографические обзоры, которыми начинаются многие трактаты Аристотеля, носят, в зависимости от их задач, различный характер. В «Физике» I, 2 он характеризует начала досократиков согласно схеме, восходящей к платоновскому методу «разделения» (διαιρέσις): должно быть либо одно начало, либо многие; если одно, то либо неподвижное, либо движущееся; если многие, то число их либо ограничено (два, три, четыре и т. д.), либо не ограничено; если не ограничено, то они либо однородны, либо неоднородны. Поскольку Аристотель называет здесь лишь несколько имен (Парменид, Мелисс, Демокрит), очевидно, что систематический аспект учения о началах интересовал его гораздо больше, чем исторический (ср. GC I 1-2, где мнения досократиков представлены гораздо полнее). В De an. I, 2

обзор мнений предшественников о душе содержит около 15 имен и теорий, индивидуальные особенности которых делают последовательное разделение по двух главным признакам (душа есть источник движения либо ощущения) практически невозможным. Аристотель вводит еще один, парный признак (телесность-бестелесность), комбинируя его с другими, так что в итоге его обзор выглядит непоследовательным.

Иначе построен историографический очерк развития идей о четырех причинах в *Met. A 3-7*. В основе его лежит классификация мнений по типу причин (сначала материальная, затем причина движения и т. д.), но поскольку все ранние «физики» и часть поздних признавали лишь одну телесную причину, изложение с самого начала приобретает исторический характер. Мнения монистов объединены по сходству их начал: Фалес и Гиппон – вода, Анаксимен и Диоген – воздух, Гиппас и Гераклит – огонь. За монистами следует Эмпедокл, добавивший четвертое начало, землю, и Анаксагор, считавший, что начал бесконечно много. Под давлением фактов и самой истины Анаксагор и Эмпедокл обратились от телесных причин к причинам движения, однако вслед за ними названы Левкипп и Демокрит, которые признавали лишь телесные причины. За атомистами следуют пифагорейцы, жившие одновременно и раньше их; их началами были числа, тогда как другие (видимо, более поздние) пифагорейцы выдвигали десять пар противоположных начал; сходно с ними учил Алкмеон. Дойдя в освещении плюралистов до предпоследней стадии своего обзора, Аристотель возвращается к «метафизическим» монистам: Ксенофану, Пармениду и Мелиссу. Последним следует Платон, который добавил третью, формальную, причину к уже известным (хотя сам признавал только две), тогда как о четвертой, финальной, никто ничего ясного не сказал.

Отметим ряд характерных черт этого обзора, которые в своей совокупности знаменуют превращение доксографии в историографический жанр. Хронологическая последовательность, не будучи главным принципом организации материала, постоянно находится в поле внимания Аристотеля. Этой же цели служат частые указания на первенство в выдвижении той или иной идеи (в числе *πρῶτοι εὐρεταί* названы Фалес, Эмпедокл, Гесиод и Парменид, пифагорейцы, Ксенофан). В случае сходства начал более древний из философов упомянут первым (Фалес и Гиппон и т. д.); в спорных случаях Аристотель решает вопрос о приоритете на основе хронологии (Алкмеон и пифагорейцы). Даются прямые ссылки на место рождения (Гиппас, Гераклит, Анаксагор, Алкмеон), учителей (Ксенофан и Парменид, Левкипп и Демокрит) и влияние старших на младших (пифагорейцы и Платон). Наконец, в этом обзоре можно различить начала будущего деления на школы (ионийцы, пифагорейцы, атомисты, элеаты).

3. «Мнения физиков» Феофраста

Развитые Аристотелем методы организации и подачи мнений были еще последовательнее применены в «Мнениях физиков» Феофраста. В общем виде многоуровневую структуру

этого труда можно представить следующим образом. Трактат в целом был организован систематически, причем выбор и последовательность проблем отражали исторически зафиксированные интересы «физиков». Материал делился на книги и главы в соответствии с категориями перипатетической физики. Внутри глав, посвященных отдельным проблемам, основной «единицей деления» были учения конкретных философов, которые объединялись в группы по степени близости друг к другу (если это было целесообразным) и/или часто, но необязательно следовали друг за другом в хронологическом порядке. Существенно при этом, что первая глава, фрагменты которой сохранил Симпликий (fr. 224-230 FHSG), была организована так, чтобы читатель мог представить себе историческую картину совершенствования философии от первых, еще незрелых теорий к ее современному состоянию. Указания на относительную хронологию и/или доктринальную зависимость «физиков» присутствуют у 13 из 17 упоминаемых здесь философов. Ссылки на ученичество, более частые и дифференцированные, чем в Met. A, в ряде случаев подразумевают личную связь (Фалес и Анаксимандр, Анаксимандр и Анаксимен, Ксенофан и Парменид, Левкипп и Демокрит, Анаксагор и Архелай), в других речь идет, скорее, о заимствовании идей (Анаксимен и Анаксагор, Парменид и Левкипп, Анаксагор и Диоген, Демокрит и Метродор). Нашел здесь свое применение и принцип *πρῶτος εὐρετής*: Фалес первым открыл грекам учение о природе, Анаксимандр изобрел понятие *ἀρχή*, Анаксагор впервые ввел причину движения (fr. 225, 226a, 228a FHSG). Место рождения указано у всех философов, за исключением Гиппона. Патронимик Симпликий сохранил всего в пяти случаях, но есть все основания полагать, что у Теофраста указание на патронимик было скорее правилом, чем исключением. Таким образом, приведя краткие биографические сведения о «физиках», которые были важны и для его общей историографической концепции (о делении на «школы» см. ниже, 10), Теофраст сосредоточил свое внимание на возникновении и восприятии новых идей, на конкретных формах развития натурфилософии, на индивидуальном вкладе каждого мыслителя и его зависимости от предшественников.

Стремление Теофраста придать доксографии еще большее историческое измерение отражает новую ситуацию, в которой создавался его труд, и новые цели, которые стояли перед ним. Если у Аристотеля доксографические обзоры были частью его подхода к решению философских и научных проблем, то в сохранившихся естественнонаучных трудах Теофраста и во фрагментах его «Физики» таких обзоров мы не находим; его ссылки на предшественников в этих работах вообще очень немногочисленны и кратки (ср. однако его сообщения о Мнесторе, 32 A 2-7). Теофраст отвел историографии *специальное* место, написав более десятка историко-критических монографий о досократиках (см. выше, 2), а затем сведя воедино весь подготовительный материал (свой и Аристотеля) в обширный доксографический компендий. Реорганизуя этот материал, Теофраст не считал необходимым полностью устранить критику, хотя он, вероятно, сократил ее. Лучше всего критический аспект

доксографии известен нам по трактату «De sensibus», посвященному учениям об органах чувств (Stratton 1917 [*16]; Baltussen 2000 [*62]). Этот небольшой труд был, вероятно, фрагментом «Мнений физиков» (Usener 1858 [*1: 27], Diels 1879 [*2: 114], Baltussen 2000 [*62: 245]); хотя сомнения в этой атрибуции высказывались не раз (Regenbogen 1940 [*22: 1400], Steinmetz 1963 [*30: 338]), она по-прежнему является наиболее обоснованной гипотезой. Следы критики видны и в ряде фрагментов из других частей компендия (fr. 233, 241a FHSG), но была ли она везде столь же развернутой, как в «De sensibus», мы не знаем. Исходя из общих соображений, можно полагать, что в целом критика должна была занимать гораздо меньшее место, чем изложение мнений. Компендий был нацелен на историографическое освещение мнений – как истинных с точки зрения перипатетической физики, так и ложных – *каждого* из известных Феофрасту «физиков», включая тех, о ком Аристотель отзывался пренебрежительно (Гиппон: ср. Arist. Met. 984 а 3 и 38 А 3-4, 10, 13-14) или вообще предпочитал не упоминать (Филолай: ср. Arist. EE 1225 а30 и 44 А 9, 16-23; Гикет: Theophr. fr. 240 FHSG). Эта установка на полноту данных была проведена настолько последовательно, что, кроме упомянутых у Феофраста «физиков», в доплатоновский период мы практически не знаем никаких других. Соответственно, он вынужден был фиксировать множество *одинаковых* мнений по одной и той же проблеме, например, вечен ли космос (Аёт. II, 4). Такое обилие мнений, естественно, делало их подробное критическое обсуждение весьма проблематичным.

Еще одним, пожалуй, даже более важным ограничителем критики было то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев «правильный» ответ на вопросы, которые Феофраст ставил перед «физиками», был известен ему заранее, еще когда он писал о них свои историко-критические монографии. Речь не шла о том, чтобы, собрав мнения «физиков» от Фалеса до Платона о природе Солнца (Аёт. II, 20), причинах лунных затмений (II, 29), форме Земли (III, 9) или душе (IV, 1), вновь обратиться к обсуждению этих проблем и предложить свое решение. В «Мнениях физиков» перипатетическая точка зрения на все эти проблемы отсутствовала, поскольку она уже была изложена в натурфилософских трудах Аристотеля и самого Феофраста, подавляющее большинство которых было написано до начала его работы над компендием. Так, например, порядок тем в главе, посвященной мнениям досократиков о метеорологических феноменах (Аёт. III, 2-8), соответствует тому, в какой последовательности Феофраст объяснял эти явления в своей более ранней «Метеорологике» (Daiber 1992 [*7]), в которой какие-либо имена собственные отсутствуют. Таким образом, «Мнения физиков» представляли собой прежде всего *исторический* интерес («geschichtliche Ergänzung zur eigenen Physik»: Gigon 1969 [*32: 117]), указывая на многочисленные попытки достичь истины, которая была изложена в физическом учении Ликия. Как и аналогичные исторические и доксографические труды других перипатетиков (см. ниже, 12f.), компендий представлял собой историю *уже решенных проблем*, а не «a huge collection of

materials to be used in dialectical and/or scientific discussion» (Mansfeld 1992 [*42: 67], 1998 [*50: 22.26]; см. также 1999 [*56: 45f.]).

В «De inundatione Nili» Аристотель также представил обзор мнений предшественников, уже зная о решении этой проблемы, которое было найдено организованной Александром экспедицией к истокам Нила (Partsch 1909 [*14]). Время создания трактата о Ниле (ок. 330–327) указывает на период, когда Феофраст работал над своим компендием, содержащим аналогичный раздел (Aët. IV, 1). *Terminus ante quem* публикации «Мнений физиков» служит использование их в главах «О природе» Эпикура, написанных ок. 311 г. и особенно после 306 г. до н.э. (Sedley 1998 [*53]). Доступность «Мнений физиков» Эпикуру, возможно, еще до его приезда в Афины, указывает скорее на «эксотерический», чем на внутришкольный характер этого труда, что подтверждается наличием его эпитомы в 2-х книгах, подготовленной самим Феофрастом либо кем-то из его школы (см. ниже, 14).

В отборе и классификации материала Феофраст исходил из разделения Аристотелем (Met. 1026 a 6-19) теоретических наук на математику, физику и теологию («первую философию»). Тематика «Мнений физиков» в целом совпадала с тем, что Аристотель понимал под *περὶ φύσεως ἱστορίαι*, равно как и с тематикой трудов большинства досократиков. Сюда входили основные понятия и категории физики (начала, материя, причины, место, время, пустота и пр.), а также ее отдельные отрасли, расположенные от космологии до эмбриологии, т.е. в том порядке, который угадывается уже у Алкмеона и наиболее полно известен нам по «Тимею». Общее представление о тематике этого труда можно составить на основе реконструкции Дильсом (1879 [*2: 181f.]) «*Vetusta placita*» – его сокращенной обработки I в. до н.э. Ее первая книга трактовала начала физики, вторая – космологию и астрономию, третья – метеорологию, четвертая – землю, море и разливы Нила, пятая – душу (психологию и отчасти физиологию), шестая – тело (физиологию и эмбриологию). Таким образом, «Мнения физиков» в принципе покрывали всю физику, предмет которой простирался от небесных тел до животных и растений (Theophr. Met. 9 a 3-15, 9 b 20 – 10 a 4, ср. Aët. V, 14. 19-22. 26 о животных и растениях), хотя многими ее проблемами, интересовавшими Аристотеля и Феофраста, ранние «физики» не занимались либо занимались так мало, что собрать представительную подборку их мнений было невозможно.

Существовал еще один важный критерий отбора: компендий был ориентирован не просто на мнения по соответствующим физическим проблемам, а на мнения вполне определенной категории профессионалов, авторов сочинений «о природе», которых Аристотель и его ученики называли «физиками». Поэтому мнения Платона как автора «Тимея» были в нем учтены, а мнения тех, кто принадлежал к другим группам – математиков (к *μαθηματικοί* относились и профессиональные астрономы), «теологов» и врачей – нет. (Софисты, похоже, в отдельную группу не выделялись). Этим группам были посвящены специальные сочинения Евдема и Менона, которые, судя по всему, входили вместе с «Мнениями физиков»

в инициированный Аристотелем историографический проект (Zhmd 2003 [*69], 2002/2006 [*72: 122ff.]). Так, начала «теологов» от Орфея до Ферекида Сиросского рассматривались в хронологическом порядке в «Истории теологии» Евдема (fr. 150); отдельно был представлен материал восточных теогоний (Zhmd 2004 [*70: 562f.]). Евдем не включил в свою историю ни одного «физика», у Теофраста, напротив, отсутствовали «теологи», в том числе и в разделе «О божестве» (Aët. I, 7). Математическим открытиям были посвящены «История геометрии» (fr. 133-141I) и «История арифметики» (fr. 142) Евдема. Показательно, однако, что такие ученые как Энопид и Гиппократ Хиосские, Архит, Метон, Евктемон и др., отнесенные к категории математиков, не были включены в обзор Теофраста, хотя они и высказывались по проблемам физической астрономии (Arist. Mete. 342 b 29; Met. 1043 a 19; Eud. fr. 60, 65). Дело в том, что различия между физикой и математической астрономией были сформулированы Аристотелем (Phys. 193 b 22-36) таким образом, что физические проблемы в компетенцию астрономов не входили, физики же вполне могли касаться проблем математической астрономии. Исходя из этого асимметричного членения, Евдем посвятил свою «Историю астрономии» (fr. 143-149) развитию математической астрономии, тогда как Теофраст рассматривал мнения, относящиеся и к физической, и к математической астрономии, но лишь в том случае, если они принадлежали «физикам». Наконец, Менон в «Медицинском собрании» (Ἰατρικὴ συναγωγή) рассматривал теории о причинах болезней, которые, согласно Аристотелю (De sens. 436 a 17ff.; De vit. 480 b 21ff.), являются предметом, общим для физики и медицины. Поэтому, помимо врачей, Менон учитывал и взгляды таких «физиков», как Гиппон, Филолай и Платон (Zhmd 2004 [*70: 564f.]). Напротив, «Мнения физиков», как следует из названия, были «исключающим» трудом, поэтому мнения врачей в нем отсутствовали (Diels 1879 [*2: 232], Runia 1999 [*57: 233f.]; ср. Mansfeld 1992 [*42: 65f.], 1998 [*50: 22]).

Ориентация Теофраста на мнения конкретных «физиков» подтверждает, что заглавие его компендия, сохраненное в каталоге его трудов в форме Φυσικῶν δόξων ἰς' (D. L. 5, 48), следует понимать как «Мнения физиков» (Φυσικῶν δόξαι) (Usener 1858 [*1], Diels 1879 [*2], Regenbogen 1940 [*22: 1395]), а не как «Физические мнения» (Φυσικὰ δόξαι) (так Mansfeld 1990 [*41: 3057 сн. 1], 1992 [*42]; Runia 1992 [*44: 116 сн. 9]; Sharples 1998 [*54: 10]; Mejer 2000 [*64: 27]). Само выражение δόξα(ι) τῶν φυσικῶν (или τῶν φυσιολόγων, τῶν περὶ φύσεως) встречается у Аристотеля (Phys. 187 a 27; Met. 1062 b 21, 25) и особенно часто у его комментаторов (Zhmd 2001 [*65: 228 сн. 45]), у Аристоксена мы находим «мнения гармоников» (δόξαι τῶν ἁρμονικῶν) (Elem. harm. p. 7.3 Da Rios), между тем как постулируемая Мансфельдом категория φυσικὰ δόξαι не засвидетельствована ни в традиции Ликия, ни у комментаторов Аристотеля (ср. Mansfeld 2002 [*66: 279f.]). Сохраненное Тавром (у Филопона) заглавие Περὶ τῶν φυσικῶν δόξων (137 № 6b = fr. 241A FHSG) вполне может быть по-

нято как «О мнениях физиков». Альтернативным заглавием этого труда считается Περί (τῶν) φυσικῶν ἡγ', «О физиках в 18 книгах» (137 № 4 a-b FHSG; Usener 1858 [*1: 27]; Diels 1879 [*2: 102]; Regenbogen 1940 [*22: 1395]), под которым его цитирует Александр Афродисийский (fr. 227C FHSG; ср. 137 № 7a). Почему оба эти названия приведены в списке трудов Феофраста (D. L. 5,46, 48) и имеют разное число книг (16 и 18), неясно. Сокращенная версия «Мнений физиков», восходящая к александрийской эпохе (Diels 1879 [*2: 103]), либо к самому Феофрасту (Regenbogen 1940 [*22: 1536]), также известна под разными названиями: Περί φυσικῶν ἐπιτομή в двух книгах и Φυσικῶν δοξῶν ἐπιτομαί (137 № 7 a, c FHSG; Sharples 1998 [*54: 12f.]).

Симпликию «Мнения физиков» были известны как Φυσικὴ ἱστορία (fr. 226B, 228B, 234 FHSG; во fr. 234 он цитирует Александра); других заглавий он не приводит, хотя его соученик по Академии Филопон ссылается на одно из них (fr. 241A FHSG). Из первой книги этого труда он цитирует обширные фрагменты, причем, скорее всего, непосредственно из Феофраста (Regenbogen 1940 [*22: 1536], Steinmetz 1964 [*30: 341]), а не через Александра (так Diels 1879 [*2: 112f.]). По аналогии с цитируемыми Симпликием «Историей геометрии» (Γεωμετρικὴ ἱστορία) и «Историей астрономии» (Ἀστρολογικὴ ἱστορία) Евдема (fr. 140, 148), Φυσικὴ ἱστορία обычно понимают как «Историю физики». Принятую еще до Дильса (Zeller 1877 [*10: 197]) интерпретацию Φυσικῶν δόξαι, Περί (τῶν) φυσικῶν и Φυσικὴ ἱστορία как одной и той же работы оспорил Штайнмец (Steinmetz 1964 [*30: 334ff.]). Он считал, что Φυσικὴ ἱστορία тождественна состоявшей из 18 книг «Физике» Феофраста, которая изначально называлась Ἱστορία περὶ φύσεως, а позже Περί φυσικῶν (критику этой реконструкции в целом см. Gottschalk 1967 [*31]). Мнению Штайнмеца о том, что большинство приводимых Симпликием доксографических фрагментов взяты из «Физики», следуют Mansfeld 1989 [*40: 148], 1999 [*60: 26], Runia 1992 [*44: 117f.], 2005 [*71: 12], Baltussen 2000 [*62: 241]. Между тем ссылки Симпликия на доксографическую «Историю физики» следует отделять от его гораздо более частых ссылок на теоретическую «Физику» Феофраста, которую он последовательно называет Φυσικά (fr. 143, 144b, 146, 149, 153a, 153c, 176, 238, 279, 298a FHSG). (У Прискиана эти два труда названы «Naturalis historia» и «Naturalis auditus»: no. 137 1b, 5b FHSG). Различия в характере цитат, сохранивших названия этих трудов, очевидны: все три фрагмента «Истории физики» передают мнения конкретных досократиков, тогда как из десяти фрагментах «Физики» имя упоминается лишь во fr. 238 FHSG (Демокрит), остальной материал – чисто теоретический. Из всех фрагментов «Физики», надежно отождествляемых по заглавию или по содержанию, имя досократика содержит лишь еще один, к тому же спорный (Runia 1992 [*44]), пассаж из Стобея (fr. 232 FHSG). Поэтому замечание Диогена Лаэртца о том, что Феофраст излагает в «Физике» мнения почти всех «физиков» (9,22 = fr. 227D FHSG) явно ошибочно: здесь имелись в виду «Мнения физиков», эпитому которых

Диоген упоминает в 9,21. Таким образом, «Физика» Феофраста не может считаться альтернативным источником доксографической традиции.

В то время как в главе «О началах» Феофраст ориентировался прежде всего на Met. A 3-7 (Zeller 1877 [*10: 197ff.]), Симпликий цитирует ее в своем комментарии к Phys. I, 2 Аристотеля, где начала досократиков группируются по методу «разделения» (см. выше, 8). Поэтому он представляет «физиков» не в том порядке, в каком они следовали у Феофраста, а в соответствии с развитой им схемой из «Физики» Аристотеля. Сначала идут монисты, расположенные по типу их начал, затем плюралисты, признававшие ограниченное число начал (они сгруппированы по числу начал), и наконец, плюралисты, полагавшие неограниченное число начал, однородных и неоднородных. Замечания Симпликия, предваряющие его обзор начал (In Phys., 22.20f.) и особенно завершающие его (ibid., 28.30f. = fr. 229 FHSg), равно как и сами цитируемые им фрагменты, не оставляют никаких сомнений в том, что избранный им порядок изложения не соответствовал расположению имен в главе «О началах» (McDiarmid 1953 [*23: 88f.], von Kienle 1961 [*28: 58ff.], Steinmetz 1964 [*30: 346f.], Zhmud 2002/2006 [*72: 159f.]; ср. Mansfeld 1989 [*40: 147]). Хотя надежно определить порядок *всех* имен в этой главе едва ли удастся, ясно, что основными принципами ее композиции были относительная хронология «физиков» и их принадлежность к различным школам мысли (Regenbogen 1940 [*22: 1536]). В то время как эти принципы дополняли друг друга, метод объединения философов в пары по сходству их начал с ними не совпадал. Так, Гиппон, вопреки хронологии, упоминался вместе с Фалесом, а Гиппас, вопреки школьной принадлежности, вместе с Гераклитом (fr. 229 FHSg). Подобно Аристотелю, который от атомистов и (поздних) пифагорейцев возвращался к Ксенофану, Пармениду и Мелиссу и заканчивал Платоном (см. выше, 9), Феофраст, представив первый ряд философов: Фалес – Анаксимандр – Анаксимен – Анаксагор – Архелай, возвращался к Ксенофану, за которым следовали Парменид – Мелисс – Левкипп – Демокрит – Диоген (?) – Метродор (Diels 1879 [*2: 103f.], McDiarmid 1953 [*23: 88f.], von Kienle 1961 [*28: 61f.], Zhmud 2002/2006 [*72: 162f.]). Показательно, что с помощью ссылок на ученичество и/или рецепцию идей (см. выше, 10) Феофраст связывает каждого последующего философа с предыдущим *в своем ряду*, в то время как единственным, кто соединяет эти два ряда между собой (кроме позднего эклектика Диогена: fr. 226a FHSg), оказывается Ксенофан: «говорят, слушал Анаксимандра» (fr. 227d FHSg). Это подтверждает, что у Феофраста было два связанных через Ксенофана хронологических рядов, совпадающих в общих чертах с эллинистическим делением на ионийскую и италийскую школы (см. выше, 3). Следы этих двух рядов сохранились в «Vetusta placita» (Cic. Luc. 118) и у Аэция (I,3.1-6 и 12-17).

Представив в первой главе общую генеалогическую схему развития философии, Феофраст, вероятнее всего, не видел необходимости точно воспроизводить ее во всех остальных главах. Он мог делить «физиков» на любые другие группы и излагать их мнения по от-

дельным проблемам в любом удобном для него порядке, например по степени развитости доктрин, – такой принцип часто, но отнюдь не обязательно совпадал с хронологическим (Diels 1893 [*11: 415]). Так, в «De sensibus» он делит «физиков» на тех, кто объяснял восприятие с помощью принципа «подобное подобным», и тех, кто держался противоположного принципа (§ 1). Первая группа включает учения Парменида, Платона и Эмпедокла (§ 3-24), расположенные по степени их развитости и полноты (Diels 1879 [*2: 105]), но за ними следуют не приверженцы противоположного принципа, а все остальные (§ 25-58), расположенные по хронологии: Алкмеон, Анаксагор, Клидем, Диоген и Демокрит (ср. Mansfeld 1996 [*46], Baltussen 2000 [*62: 15f.]). Этому же принципу следовал Менон, разделив мнения врачей и «физиков» о причинах болезней на две группы, порядок имен внутри которых по большей части хронологический (Zhmd 2002/2006 [*72: 164], ср. Manetti 1999 [*59: 102. 118f.]).

4. Реконструкция Дильса: Аэций и «*Vetusta placita*»

Масштабная проблема, решением которой занялся Дильс, была сформулирована в 1874 г. в конкурсном задании Берлинской академии: найти общий источник родственных текстов Псевдо-Плутарха, Стобея и Псевдо-Галена и установить их связь с текстами других поздних авторов, использовавших сходные историографические источники. Решающий шаг в этом направлении был сделан учителем Дильса Г. Узенером, который указал на первоначальный источник доксографии, «Мнения физиков» Феофраста, и издал их фрагменты (Usener 1858 [*1]). Он же предложил Дильсу тему его диссертации о «*Historia philosopha*» Псевдо-Галена (V в.), значительная часть которой, как показал Дильс (1870 [*9]), восходила к несколько более полной версии Псевдо-Плутарха (ок. 150 н.э.). В «*Doxographi Graeci*» Дильс, в то время 31-летний учитель гимназии, не просто подтвердил правильные в целом предположения Узенера об эволюции доксографической традиции (об их предшественниках см.: Mansfeld & Runia 1997), но и сделал гораздо больше того, что было сформулировано в конкурсном задании. Опираясь на указания в «*Graecarum affectionum curatio*» епископа Феодорета (ок. 430 г.), он установил, что общим источником двух наиболее полных доксографических коллекций, «*Placita philosophorum*» Псевдо-Плутарха и «*Eclogae physicae*» Стобея (ок. 420 г.), была Περί τῶν ἀρεσκόντων ξυναγωγή в 5 книгах не известного нам ближе компилятора Аэция (ок. 100 н.э.). В силу существенных различий между эксцерптами Стобея и гораздо более полным текстом Псевдо-Плутарха, в котором, однако, также есть лакуны по сравнению со Стобеем, Дильс не стал реконструировать текст Аэция. Он издал оба текста (вместе они составляют около половины объема Аэция) в виде параллельных колонок, внося в них исправления в тех случаях, когда он мог опираться на авторов, использовавших либо Псевдо-Плутарха, либо самого Аэция. К числу последних Дильс относил Феодорета и епископа Немесия из Эмессы (начало V в.), выдержки из которых приведены в ап-

парате под заглавием *aliorum ex Aetio excerpta*. Гораздо больше авторов пользовалось сокращенной версией Аэция, ходившей под именем Плутарха. Помимо Псевдо-Галена, к ним, как установил Дильс, относились: христианские полемисты Афенагор (II в.) и Псевдо-Юстин (III в.), комментатор Арата Ахилл (III в.), епископы Евсевий из Кесареи (ок. 260-340) и Кирилл из Александрии (ок. 380-440), а также Иоанн Лид (VI в.); эта же версия была доступна византийским авторам, а также переведена на арабский. Параллели из этих авторов приводятся в аппарате под рубрикой *testimonia Plutarchi*. Наконец, с текстом Стобея Дильс проделал своего рода хирургическую операцию, имевшую своей целью отделить основной источник его физической доксографии, Аэция, от двух побочных, которые Дильс отождествил с «Епитоме» стоика Ария Дидима (I в. до н.э.), и с приписываемой Плутарху *Vita Homeris*.

Так в самом общем виде выглядит первая, относящаяся к Аэцию, часть реконструкции Дильса, которая недавно стала предметом специальной монографии (Mansfeld / Runia 1997 [47*]). Идя по стопам Дильса, ее авторы не обнаружили ни одного упущенного им доксографического источника (сравнительно недавно были изданы папирусные фрагменты «Placita» Псевдо-Плутарха и ее арабская версия) и подтвердили «почти сверх ожидаемого» (Burkert 1998 [*52: 165]; ср. Frede 1999 [*55]) подавляющее большинство его основных и побочных выводов. Зависимость Ахилла от Псевдо-Плутарха Дильс пересмотрел в пользу «Vetusta placita» еще до того, как Паскуали издал подтверждающий это текст (1910 [*15: 221 сн. 1]).

В «Vetusta placita» Дильс видел промежуточный между Аэцием и Феофрастом источник, который должен был объяснить происхождение многих доксографических пассажей в текстах, предшествующих Аэцию или не зависящих от него. Такие пассажи Дильс обнаружил у Цицерона (Tusc. I, 9; параллели см. в «De pietate» Филодема (I в. до н.э.), в «Протрептике» Климента Александрийского (ок. 200), у врача Сорана Эфесского (II в.) и Секста Эмпирика (ок. 200), которые опирались на скептика I в. до н.э. Энесидема, и у Цензорина (III в.), который использовал Варрона (I в. до н.э.). Вендланд (Wendland 1897 [*13]) добавил к этому ряду еще и «De somniis» Филона Александрийского (ок. 40). Все эти источники подводят нас ко второй половине I в. до н.э., тогда как последние упомянутые в «Vetusta placita» авторы, врач Асклепиад из Вифинии и Посидоний, относятся к концу II – первой половине I в. до н.э. Таким образом, «Vetusta placita» была создана в первой половине I в. до н.э., судя по явным стоическим тенденциям, в школе Посидония (Diels 1893 [*12: 102]), с которым связано оживление интереса к физическим проблемам.

Отметим наиболее очевидные отличия «Vetusta placita» от «Мнений физиков». В уменьшившуюся в три раза эпитому (6 книг против 18 у Феофраста) были добавлены мнения Аристотеля, перипатетиков, академиков, эпикурейцев и (особенно много) стоиков, – как отдельных философов, так и школ в целом. Тематическое расширение материала произош-

ло также за счет того, что Посидоний проводил границы между физикой и другими науками иначе, чем Аристотель (Zhmod 2002/2006 [*72: 288ff.]). Родоначальником еще более расширившейся физики у Посидония становится не Фалес, а Гомер (fr. 48-49, 137, 222 E.-K.), в нее включается мантика (fr. 7, 26-27 E.-K.); медицина еще больше сближается с физикой; *mathemata* из самостоятельной ветви теоретических наук превращаются во вспомогательное средство для философии (fr. 18, 90 E.-K.). В соответствии с новыми интересами в *«Vetusta placita»* появились, в частности, такие темы как мантика (Aët. V, 1; см. Diels 1879: 224), здоровье и болезни (V, 29-30), стоическая *φαιτασία* и родственные ей понятия (IV, 12), и др. Кроме того, согласно новым критериями отбора материала сюда были включены отсутствовавшие у Феофраста мнения: 1) древних «теологов» и поэтов (e.g. Aët. I, 6); 2) «математиков», т.е. астрономов (Евдокс, Аристарх, Эратосфен и др.), а иногда и астрологов (Берос, Эпиген из Византии и др.), учения которых интересовали Посидония (о его вере в астрологию см. fr. 111-112 E.-K.); 3) врачей эпохи классики (Гиппократ, Полиб, Диокл) и особенно эллинизма (Герофил, Эрасистрат, Асклепиад). Вероятным источником мнений всех врачей в *«Vetusta placita»* остается труд ученика Асклепиада Александра Филалета Περί τῶν ἀρεσκόντων (Diels 1893 [*12: 102]), хотя эта кандидатура и встречает ряд трудностей (von Staden 1999 [*58: 166f.]). Неубедительна гипотеза о том, что *«Vetusta placita»* предшествовала более ранняя версия, *«Vetustissima placita»* (Mansfeld 1989 [*39], 1990 [*41: 3167f.]), возникшая в скептической Академии Карнеада и содержащая мнения философов и врачей. Главное свидетельство на этот счет – пассаж Хрисиппа (III в. до н.э.) о различиях в локализации *hegemonikon* души, – хотя и подразумевает знакомство Хрисиппа с доксографией на эту тему (в том числе и через Феофраста), не доказывает, что его источник уже содержал мнения врачей (Runia 1999 [*57: 233]) и потому отличен от *«Мнений физиков»* (сам Хрисипп называет лишь имя Платона). Если бы *«Vetustissima placita»* действительно существовала в III в. до н.э., она оставила бы гораздо больше определенных следов.

Включение в *«Vetusta placita»* множества нового материала и новых имен с одновременным сокращением объема существенно изменили структуру глав, характер подачи мнений и порядок имен. Так, если в *«De sensibus»* каждый параграф освещал теорию одного из «физиков», относящуюся ко всем пяти органам чувств, то в *«Vetusta placita»* каждый параграф содержит мнения разных «физиков» о каждом чувстве в отдельности. В целях экономии места подробное освещение теорий, свойственное Феофрасту, заменяется их сокращенным изложением, нередко в телеграфном стиле; формулировки часто носят следы стоической терминологии. С этой же целью одинаковые мнения (или то, что таковыми считалось) излагаются от имени двух, трех и более мыслителей; иногда такие группы насчитывают свыше 10 имен (Aët. IV, 9.1). Критика Феофрастом своих предшественников была по понятным причинам изъята практически целиком. Спорадические следы критики у Аэция, особенно в главе о началах (I,2, I,3.3-4, I,5.3, I,7.7), принадлежат не Феофрасту, а самому Аэцию (Diels

1879 [*2: 180f.]; ср. Mansfeld 1992 [*42: 109f.]).

Установить преобладающий принцип расположения имен внутри глав *«Vetusta placita»*, исходя из доступного нам материала, не удастся. Некоторые главы у Аэция упорядочены по хронологии или носят явные следы такой организации (I, 10, 17-18, 20, 25-26, 29; II, 23; III, 10, 16; IV, 1-2; V, 14, 24, 30), однако в большинстве случаев хронология не соблюдена вовсе или нарушена вставками более поздних имен. В главах о величинах Солнца и Луны мнения расположены в порядке убывания размеров светил (II, 21, 26), но в других главах, где напрашивается сходный логический порядок (напр. IV, 3 о частях души), он отсутствует. Во многих главах мнения разделены на противоположные группы, за которыми следуют взгляды, не укладывающиеся в это разделение. Часто (но не обязательно) такой порядок задан самой формулировкой проблемы: один ли космос (I, 5, ср. II, 1), одушевлен и уничтожим ли он (II, 3-4), есть ли вне его пустота (II, 8), телесны ли звук (IV, 20) или семя (V, 4), etc. Следы такой организации наблюдаются и в других главах, проблематика которых позволяла объединить мнения в две различные группы, например, о мантике (V, 1 = Cic. De div. III, 5). Наши источники, однако, не дают оснований говорить о преобладании такого способа классификации на каком-либо из известных нам этапов эволюции доксографии, как это утверждают Мансфельд и Руня (Mansfeld (1992 [*42: 68ff.], 1996 [*46], 1998 [*50: 22f.]; Runia 2005 [*71]). Постулируемая ими связь этого приема с диайресисом (т.е. с формальной схемой родо-видовой классификации), который практиковали Платон и (иногда) Аристотель, а через диайресис – с аристотелевой диалектикой, является чисто логической, а не исторической. Естественное для историографии философии разделение различных мнений на противоположные и сходные группы наблюдается уже у софистов (см. выше, 6); Аристотель и Феофраст использовали его как один из многих рабочих методов, позволявших выделить сходства и различия во взглядах. Диайресис как таковой в доксографии Аристотеля и Феофраста отсутствует (ср. Mansfeld 1989 [*39], 1998 [*50: 22f.]), за исключением классификации начал в *Phys. I, 2* Аристотеля (см. выше, 8), поскольку его последовательное применение ко всему многообразию мнений в доксографии невозможно. Позже каждый последующий редактор компендия Феофраста – автор *«Vetusta placita»*, Аэций, Псевдо-Плутарх, Стобей и др. – по собственному усмотрению менял порядок мнений внутри глав, что никак не способствовало складыванию общей диайретической структуры доксографии (Laks 1997 [*48: 257f.]).

В дальнейшем доксографы и те, кто использовал их сочинения, могли, в зависимости от своих философских установок, подчеркивать различия (*διαφωνία*) или сходства (*συμφωνία*) во мнениях философов, как это делали еще софисты (см. выше, 6). Первая тенденция свойственна, например, скептикам и христианским мыслителям (Wyss 1959 [*27], Mansfeld / Runia 1997 [*47]), вторая – неоплатоникам. Эти общие тенденции внутренне не связаны ни с характерными для доксографии способами организации материала, ни с диайресисом (ср.

Mansfeld 1990 [*40] о διαίρεσις и διαφωνία), который встречается гораздо реже, как правило, в текстах, прямо или косвенно зависящих от Phys. I, 2 Аристотеля. Так, Симпликий, зашедший дальше других в применении диайресиса к доксографическому материалу (см. выше, 15), всячески подчеркивает συμφωνία во взглядах философов (In Phys., 20.12, 28.31, 179.28, 204.27, 404.21, etc.). Напротив, многие христианские авторы – Ипполит Римский (ум. ок. 235), Евсевий (в эксцерпте из «Стромат», приписываемых Плутарху), Гермий (II-III в.), Епифаний (IV в.), настойчиво указывающие на διαφωνία среди языческих философов, используют доксографию, которая организована не систематически, т.е. по отдельным проблемам, как это было у Феофраста и у его прямых последователей, а просопографически, когда под именем одного философа объединены его основные мнения. Таким образом, конкретные способы организации мнений в доксографии не зависят от тех общих установок, с которыми к ней подходили различные авторы.

5. Доксография и биография

Как правило, в доксографии от Феофраста до Стобея содержалось столь же мало (или еще меньше) биографического материала, что и в биографии – доксографического. Впрочем, существовали и труды, в которых взаимопроникновение биографии и доксографии было более существенным, чем мы это обычно наблюдаем. К ним относятся, в частности, упомянутые выше доксографии Ипполита, Евсевия, Гермия и Епифания, некоторые из которых демонстрирует следы влияния не только биографических преемств, но и литературы о философских школах. Д. Бернит предлагал относить авторов таких трудов к переходному типу «биографических доксографов» (Burnet 1930 [*19: 34f.]). Не похоже, однако, чтобы в античной историографии существовал некий жанр, промежуточный между доксографией и биографией. У Евсевия, Гермия и Епифания (Diels 1879 [*2: 579ff. 651ff.]) весь биографический материал ограничен данными о происхождении и учителях упоминаемых ими философов, зачастую еще более скупыми, чем у Феофраста. Влияние биографических преемств сказывается здесь не в тематике, а в специфическом методе подачи материала, состоящем в том, что мнения перегруппированы под именами отдельных философов, которые следуют друг за другом в порядке, известном нам из преемств: ионийцы, (пифагорейцы), элеаты, атомисты и т.д. Таков, с некоторыми вариациями, порядок имен у Ипполита, Евсевия и у Епифания; у Гермия он совершенно произволен. У Гермия и Епифания *doxai* сведены к нескольким (а иногда и одному) главным тезисам; при этом у Епифания отдельно дана несколько более полная доксография (Diels 1879 [*2: 587f.]), упорядоченная по школам: перипатетики, платоники, стоики, эпикурейцы (см. αἴρεσις: 588.18). Доксография в эксцерпте из «Стромат» у Евсевия гораздо полнее, причем расположение мнений каждого из философов отражает исходный порядок книг у Феофраста: начала, космология, астрономия и т.д., в ряде случаев вплоть до физиологии. Автор этого обзора прямо опирался на эпитому Феофра-

ста, лишь перегруппировав ее материал κατὰ διαδοχὴν (Diels 1879 [*2: 156f.]). Относить эту филиацию Феофрастовой традиции к смешанному типу «биографической доксографии» нет серьезных оснований: биографическое в ней ограничивается порядком имен, который в своей основе восходит к самому Феофрасту (см. выше, 15 сл.).

Сходная с эксцерптом у Евсевия доксография содержится в I книге «Refutatio» Ипполита (Diels 1879 [*2: 553f.]), использующей несколько источников. Первый из них (I, 1-4: Фалес, Пифагор, Эмпедокл, Гераклит), Дильс относил к жанру преемств, содержавших также и доксографию, но очень низкого качества. Второй источник (I, 6-16) намного лучшего качества, а близость его лексики к Феофрасту и идентичный эксцерпту из «Стромат» порядок изложения мнений позволяют видеть в нем эпитому «Мнений физиков», реорганизованную κατὰ διαδοχὴν: ионийцы, элеаты, атомисты и т.д. Современные исследования, в целом подтверждая выводы Дильса, одновременно и уточняют их (von Kienle 1961 [*28: 23f.], Mejer 1978 [*33: 83f.], Mansfeld 1992 [*43]). Тезис Дильса о том, что преемства, как правило, содержали обзоры мнений, пусть и худшего качества, чем у Феофраста, не подтвердился; исключение составляет псевдо- и неопифагорейская литература (Mejer 1978 [*33: 66. 91 сн. 60]). Поэтому в первом источнике, содержащем краткие биографические заметки о Фалесе и гораздо более обширные – о Пифагоре, также видят доксографию, хотя и с добавками биографических сведений (ср. Аët. I 3,1. 3,9). Второй источник, за вычетом содержащихся в нем датировок «физиков» по Олимпиадам и пары других вставок (I, 13.1, 14.1), представляет собой выдержку из Феофраста. Кроме того, в первой книге Ипполита заметны и следы разделения философии на физику, этику и логику (см. выше,), характерного для литературы о *haireseis* (Mansfeld 1992 [*43: 18ff.]).

Судя по всему, такого рода «синтезирующие» компиляции не были характерны для эллинистической историографии философии. В римскую эпоху появляются труды, различным образом соединяющие жизнь и учение, например «De Platone et eius dogmate» Апулея. Наш главный биографический источник о досократиках, труд Диогена Лаэртца (первая половина III в.) «Собрание учений и биографий философов в 10 книгах», также соединяет в себе характеристики нескольких жанров: биографических преемств, доксографии и литературы о философских «толках». Проблема, однако, состоит в том, что подобные труды и в своей совокупности не составляют особый жанр. Нам неизвестны ни прямые предшественники Диогена, ни его прямые продолжатели. В более поздней биографической традиции не наблюдается ни особого интереса к биографиям досократиков, ни прироста доксографического элемента. Исключение, как и прежде, составляет неопифагореизм. «Учение» Пифагора присутствует в его биографиях у Порфирия и – в гораздо большей степени – у Ямвлиха, однако к восходящей к Феофрасту доксографии оно не имеет никакого отношения. Таким образом, Диоген остается скорее исключением, чем правилом. Весьма необычен и его метод объединения разнообразных источников. Как показал Дильс (Diels 1879 [*2: 161ff.]), био-

графии досократиков в сборнике Диогена содержат два типа доксографии: сначала дается «общая», более краткая и поверхностная, за ней следует «подробная», организованная таким же образом, как в эскипте из «Стромат» у Евсевия и у Ипполита и опирающаяся на эпитуму Феофраста. «Общая» доксография также в основе своей восходит к «Мнениям физиков», однако ее промежуточные источники до сих пор неизвестны.

Библиография

Издания

1. H. Usener: *Analecta Theophrastea* (Bonn 1858) – Дисс. – Перепечатка: H.U.: *Kleine Schriften*, I (Leipzig 1912, Osnabrück 1965) 50-87. – Доксографические фрагменты Феофраста.
2. H. Diels: *Doxographi Graeci* (Berlin 1879). Перепечатка: Berlin 1965.
3. F. Wehrli (ed.): *Sotion* (Basel 1978) [*Die Schule des Aristoteles*, Supplbd. II].
4. H. Daiber: *Aetius Arabus. Die Vorsokratiker in arabischer Überlieferung* (Wiesbaden 1980). – Арабская версия Псевдо-Плутарха с переводом и примечаниями.
5. M. Gigante: *Frammenti di Ippoboto* // A. Mastrocinque (ed.): *Omaggio a Piero Treves* (Padova 1984) 151-193.
6. R. Giannattasio Andria: *I frammenti delle «Successioni dei filosofi»* (Napoli 1989).
7. H. Daiber: *The Meteorology of Theophrastus in Syriac and Arabic translation* // W. Fortenbaugh, D. Gutas (edd.): *Theophrastus of Eresus: His psychological, doxographical and scientific writings* (New Brunswick 1992) 166-293.
8. W. W. Fortenbaugh, P. M. Huby, R. W. Sharples, D. Gutas (edd.): *Theophrastus of Eresus: Sources for his life, writings, thought, and influence*, Pt. 1–2 (Leiden 1992). – Фрагменты Феофраста, включая доксографические (fr. 224-241a).

Исследования

9. H. Diels: *De Galeni Historia philosopha* (Bonn 1870) – Дисс.
10. E. Zeller: *Über die Benützung der aristotelischen Metaphysik in den Schriften der älteren Peripatetiker* (1877) // *E.Z. Kleine Schriften I* (Berlin 1910) 191-214.
11. H. Diels: *Über die Excerpte von Menons Iatrika in dem Londoner Papyrus 137* // *Hermes* 28 (1893) 407-434.
12. H. Diels: *Über das physikalische System des Straton* // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin* (1893) 101-127. – Перепечатка: H. D.: *Kleine Schriften zur Geschichte der antiken Philosophie* (Darmstadt 1969) 239-265.
13. P. Wendland: *Eine doxographische Quelle Philos?* // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin* (1897) 1074-1079.
14. J. Partsch: *Des Aristoteles Buch «Über das Steigen des Nil»* // *Abhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften* 27 (1909) 553-600.
15. G. Pasquali: *Doxographica aus Basiliusscholien* // *Nachrichten der Göttingen Wiss. Gesellschaft* 1910, 194-228.
16. G. M. Stratton: *Theophrastus and the Greek physiological psychology before Aristotle* (London 1917; Перепечатка: Amsterdam 1965). – «De sensibus» Феофраста с англ. переводом и комментарием.
17. F. Ueberweg, K. Praechter: *Grundriss der Geschichte der Philosophie. I. Teil, Die Philosophie des Altertums*. 11. Aufl. (Berlin 1920).
18. W. Jaeger: *Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung* (Berlin 1923).
19. J. Burnet: *Early Greek philosophy*. 4th ed. (London 1930).
20. H. Cherniss: *Aristotle's criticism of Presocratic philosophy* (Baltimore 1935).
21. W. Jaeger: Рец.: H. Cherniss: *Aristotle's criticism of Presocratic philosophy* // *American Journal of Philology* 63 (1937) 350-356.
22. O. Regenbogen: *Theophrastos von Eresos* // *Paulys Real-Encyclopädie*, Suppl. 7 (1940) 1354-1562.
23. J. B. McDiarmid: *Theophrastus on Presocratic causes* // *Harvard Studies in Classical Philology* 61 (1953) 85-156.
24. W. K. C. Guthrie: *Aristotle as a historian of philosophy: Some preliminaries* // *Journal of Hellenic Studies* 77 (1954) 34-41.

25. O. Gigon: Die Geschichtlichkeit der Philosophie bei Aristoteles // *Archivio di filosofia* 23 (1954) 129-150.
26. K. von Fritz: Die Bedeutung des Aristoteles für die Geschichtsschreibung // *Entretiens Fondation Hardt* IV (1956) 83-128.
27. B. Wyss: Doxographie // *Reallexikon für Antike und Christentum* 4 (1959) 197-210.
28. W. von Kienle: Die Berichte über die Sukzessionen der Philosophen in der hellenistischen und spätantiken Literatur (Berlin 1961) – Диск.
29. G. E. L. Owen: *Tithenai ta Phainomena* (1961) // G. E. L. Owen: *Logic, Science and Dialectic* (Ithaca 1986) 239-251.
30. P. Steinmetz: Die Physik des Theophrastos von Eresos (Berlin 1964).
31. H. Gottschalk: Rez.: Steinmetz P. Die Physik des Theophrastos von Eresos // *Gnomon* 39 (1967) 17-26.
32. O. Gigon: Die ἀρχαί der Vorsokratiker bei Theophrast und Aristoteles // I. Düring (ed.) *Naturphilosophie bei Aristoteles und Theophrast* (Heidelberg 1969) 114-123.
33. J. Mejer: Diogenes Laertius and his Hellenistic background (Wiesbaden 1978).
34. A. Lebedev: Φύσις ταλαντεύουσα: Neglected fragments of Democritus and Metrodorus of Chios // *Proc. of the 1st intern. congress on Democritus* (Xanthi 1984) 13-18.
35. E. Berti: Sul carattere «dialettico» della storiografia filosofica di Aristotele // G. Cambiano (ed.) *Storiografia e dossografia nella filosofia antica* (Torino 1986) 101-125.
36. J. Mansfeld: Aristotle, Plato, and the Preplatonic doxography and chronography // G. Cambiano (ed.) *Storiografia e dossografia nella filosofia antica* (Torino 1986) 1-59. Перепечатка: J. M.: *Studies in the historiography of Greek philosophy* (Assen 1990) 22-83.
37. A. Patzer: *Der Sophist Hippias als Philosophiehistoriker* (Freiburg 1986).
38. A. Lebedev: Did the doxographer Aëtius ever exist? // *Philosophie et Culture. Actes du 18e Congrès mondial de philosophie*, 3 (Montréal 1988) 813-817.
39. J. Mansfeld: Chrysippus and the placita // *Phronesis* 34 (1989) 311-342.
40. J. Mansfeld: Gibt es Spuren von Theophrasts *Phys. Op.* bei Cicero? // W. Fortenbaugh, P. Steinmetz (edd.): *Cicero's knowledge of the Peripatos* (New Brunswick 1989) 133-168. – Перепечатка: J. M.: *Studies in the historiography of Greek philosophy* (Assen 1990) 238-263.
41. J. Mansfeld: Doxography and dialectic: The Sitz im Leben of the 'Placita' // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, II 36.4 (1990) 3057-3231.
42. J. Mansfeld: *Physikai doxai* and *Problēmata physica* from Aristotle to Aëtius (and beyond) // W. Fortenbaugh, D. Gutas (edd.): *Theophrastus of Eresus: His psychological, doxographical and scientific writings* (New Brunswick 1992) 63-111.
43. J. Mansfeld: Heresiography in context. Hippolytus' *Elenchos* as a source for Greek philosophy (Leiden 1992).
44. D. Runia: Xenophanes or Theophrastus? An Aëtian doxographicum on the sun // W. Fortenbaugh, D. Gutas (edd.): *Theophrastus of Eresus: His psychological, doxographical and scientific writings* (New Brunswick 1992) 112-140.
45. P. Kingsley: Empedocles and his interpreters: The four-element doxography // *Phronesis* 39 (1994) 235-254.
46. J. Mansfeld: Aristote et la structure du *De sensibus* de Théophraste // *Phronesis* 41 (1996) 158-188.
47. J. Mansfeld, D. Runia: Aëtiana: The method and intellectual context of a doxographer, 1. The sources (Leiden 1997).
48. A. Laks: Du témoignage comme fragment // G. W. Most (ed.): *Collecting fragments = Fragmente sammeln* (Göttingen 1997) 237-276.
49. J. Bremmer: Aëtius, Arius Didymus and the transmission of doxography // *Mnemosyne* 51 (1998) 154-160.
50. J. Mansfeld: Doxographical studies, Quellenforschung, tabular presentation and other varieties of comparativism // W. Burkert et al. (ed.): *Fragmentsammlungen philosophischer Texte der Antike* (Göttingen 1998) 16-40.
51. J. Mansfeld: *Doxographi Graeci* // W. M. Calder III, J. Mansfeld (edd.): *Hermann Diels (1848-1922) et la science de l'antiquité* (Vandœuvres; Genève 1998) 143-164.
52. W. Burkert: *Diels' Vorsokratiker. Rückschau und Ausblick* // W. M. Calder III, J. Mansfeld (edd.): *Hermann Diels (1848-1922) et la science de l'antiquité* (Vandœuvres; Genève 1998) 169-197.
53. D. Sedley: Theophrastus and Epicurean physics // J. M. Van Ophuijsen, M. van Raalte (edd.): *Theophrastus: reappraising the sources* (New Brunswick, London 1998) 331-354.
54. R. W. Sharples: *Theophrastus of Eresus. Commentary*, 3.1. Sources on physics (Leiden 1998).
55. M. Frede: Aëtiana // *Phronesis* 44 (1999) 135-149. – Рец. на: J. Mansfeld, D. Runia: *Aëtiana: The method and intellectual context of a doxographer*, 1. The sources (Leiden 1997).
56. D. Runia: What is doxography? // P. van der Eijk (ed.): *Ancient histories of medicine. Essays in medi-*

- cal doxography and historiography in classical Antiquity (Leiden 1999) 33-55.
57. D. Runia: The Placita ascribed to doctors in Aëtius' doxography on physics // P. van der Eijk (ed.): Ancient histories of medicine. Essays in medical doxography and historiography in classical Antiquity (Leiden 1999) 189-250.
  58. H. von Staden: Rupture and continuity: Hellenistic reflections on the history of medicine // P. van der Eijk (ed.): Ancient histories of medicine. Essays in medical doxography and historiography in classical Antiquity (Leiden 1999) 143-187.
  59. D. Manetti: 'Aristotle' and the role of doxography in the Anonymus Londinensis // P. van der Eijk (ed.): Ancient histories of medicine. Essays in medical doxography and historiography in classical Antiquity (Leiden 1999) 95-141.
  60. J. Mansfeld: Sources // A. A. Long (ed.): The Cambridge companion to early Greek philosophy (Cambridge 1999) 22-44.
  61. J. Mansfeld: Sources // K. Algra et al. (edd.): The Cambridge history of Hellenistic philosophy (Cambridge 1999) 3-30.
  62. H. Baltussen: Theophrastus against the Presocratics and Plato: Peripatetic dialectic in the 'De sensibus' (Leiden 2000). – I изд.: Theophrastus on theories of perception: Argument and purpose in the 'De sensibus' (Utrecht 1993) – Дисс.
  63. H. Baltussen: Plato in the Placita (Aëtius bk. IV): A Dielsian blind spot // *Philologus* 144 (2000) 227-238.
  64. J. Mejer: Überlieferung der Philosophie im Altertum. Eine Einführung (Copenhagen 2000). – Обширная библиография по античной истории философии.
  65. L. Zhmud: Revising doxography: Hermann Diels and his critics // *Philologus* 145 (2001) 219-243. Русс. вариант: Л. Я. Жмудь: Пересматривая доксографию: Герман Дильс и его критики // Историко-философский ежегодник-2002. М. 2003, 5-34.
  66. J. Mansfeld: Deconstructing doxography // *Philologus* 146 (2002) 277-286.
  67. J. Mansfeld: Cosmic distances: Aetius 2. 31 Diels and some related texts // M. Canto-Sperber, P. Pellegrin (ed.): Le style de la pensée. Recueil de textes en hommage à J. Brunschwig (Paris 2002) 429-463.
  68. J. Mansfeld: Plato, Pythagoras, Aristotle, the Peripatetics, the Stoics, and Thales and his followers «On causes» // A. Brancacci (ed.): Antichi e Moderni nella Filosofia d'Età Imperiale (Napoli 2002) 17-68.
  69. L. Zhmud: Historiographic project of the Lyceum: The peripatetic history of science, philosophy, and medicine // *Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption* 13 (2003) 113-130.
  70. L. Zhmud: Eudemos aus Rhodos, Menon // H. Flashar (ed.): Grundriss der Geschichte der Philosophie: Die Philosophie der Antike, 3. 2. Aufl. (Bern 2004) 558-565.
  71. D. T. Runia: A difficult chapter in Aetius Book II on cosmology // A. Brancacci (ed.): Philosophy and doxography in the Imperial age (Firenze 2005) 1-22.
  72. Л. Я. Жмудь: Зарождение истории науки в античности. СПб., 2002. – Англ. расширенное изд.: L. Zhmud: The origin of the history of science in classical Antiquity (Berlin 2006).